

Был ли Макиавелли поклонником демократии?

Тимофей Дмитриев

Кандидат философских наук, доцент школы философии и культурологии
факультета гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Адрес: улица Старая Басманная, 21/4с1, Москва, 105066 Российская Федерация

E-mail: tdmित्रiev@hse.ru

В статье на основе анализа политических сочинений Макиавелли «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «Государь» и «История Флоренции» показано, что неоднократно предпринимавшиеся на протяжении нескольких последних десятилетий такими эрудитами, как Антонио Негри, Джон Маккормик, Агнес Хеллер, Клод Лефор и Стивен Смит, попытки объявить Макиавелли поклонником радикальной демократии или же пророком современной демократической политики и даже «плебейского принципа» в политике, не находят ни идейного, ни терминологического подтверждения в работах флорентийского мыслителя. Отмечается, что одно из центральных мест в политическом мышлении Макиавелли занимает идея смешанного образа правления, заимствованная им из классической политической традиции и имеющая в силу этого по преимуществу досовременное происхождение. В свою очередь, попытки сделать из Макиавелли сторонника радикальной демократии в современном духе рассматриваются в статье как преподносящие идейное наследие великого флорентийца в сильно искаженном виде и продиктованные в первую очередь стремлением ряда современных авторов вычленив его политические идеи и концепции из исторического контекста их формирования и развития и поместить их в чуждую им интеллектуальную и культурную среду ради того, чтобы придать им злободневные политико-полемиические смысловые коннотации.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, знать, народ, групповые настроения (*umori*), круговорот политических форм, демократия, смешанный образ правления, *governo largo*, *governo stretto*

Одной из характерных черт политико-полемических дебатов как былых времен, так и наших дней является стремление немалого числа их участников записать в свои союзники выдающихся мыслителей прошлого. Делается это зачастую не только для того, чтобы придать приводимым аргументам дополнительный теоретический вес, но и чтобы посредством ссылки на авторитет знаменитых мыслителей снабдить свои доводы большей риторической силой в глазах образованной публики. Одним из побочных следствий использования таких приемов аргументации и способов ведения полемики становится то, что и у читателей, да и у самих авторов соответствующих аргументов зачастую складывается довольно превратный взгляд на идейное наследие препарированных столь «оригинальным» образом классиков политической мысли, который затем нередко начинает жить своей собственной жизнью, в том числе и благодаря трансляции в современной медиасреде и сети Интернет. Более того, сами эти предвзятые трактовки со временем начина-

ют восприниматься как самоочевидные истины и даже проникать в этом качестве в научно-популярную литературу и учебные пособия. Не миновала «чаша сия» и Никколо Макиавелли, чьи работы и идеи уже более 500 лет продолжают привлекать к себе внимание всех, кто интересуется историей политической мысли европейского модерна и ее нынешним актуальным состоянием¹. В качестве примера можно сослаться на «черную легенду» о Макиавелли как «учителе зла» и «наставнике тиранов», получившую широкое распространение в Новое и Новейшее время². Несмотря на то что в наши дни она уже не пользуется особым авторитетом, сегодня также нередко можно встретить авторов и эрудитов, пытающихся инструментализировать идейное наследие великого флорентийца в своих собственных политико-полемиических целях. В своей статье я коснусь только одного эпизода, связанного с современными политико-полемиическими спорами по поводу политической мысли Макиавелли, а именно — с настойчивыми попытками некоторых уважаемых авторов создать положительный образ Макиавелли-демократа, якобы существенно опередившего свое время, и тем самым выдать его за сторонника или же предвестника демократии и даже народовластия в их современном понимании. Я также постараюсь показать, как и почему эти новомодные интерпретации преподносят нам реальное содержание политической мысли Макиавелли в сильно искаженном виде.

Конфликт как конститутивный момент политического у Макиавелли

Хорошо известно, что от флорентийского гражданского гуманизма XV века политические воззрения Макиавелли-республиканца отличаются прежде всего высокой оценкой того значения, которую конфликты между различными социальными группами в городе имеют для развития и сохранения в нем свободных республиканских порядков, а также настоятельным указанием на необходимость удержания этих социальных конфликтов и политических разногласий в приемлемых для города рамках путем институционализации их в определенных нравах, законах и политических практиках (Покок, 2020; Скиннер, 2017; Baron, 1961; Vock, 1990; Lefort, 1972; Najemu, 1996, 2010, 2014). Как подчеркивает Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», «ничто так не способствует устойчивости и прочности республики, как такое ее упорядочивание, посредством которого изменчивым настроениям, которые ее волнуют, дается надлежащий выход посредством

1. Отчасти в этом «повинен» и сам Макиавелли, поскольку ему довелось стать одним из тех великих умов европейского человечества, которые «начиная еще с их собственных времен, вызывают такой неизбывный интерес, что обширная литература, им посвященная, имеет обыкновение говорить скорее об интересах и предрасположенностях самих комментаторов, нежели о самих этих мыслителях» (Colish, 1971: 323).

2. Наиболее характерным примером такой позиции в необъятной макиавеллиане XX века может — с определенными оговорками — служить капитальный труд Лео Штрауса «Мысли о Макиавелли» (Strauss, 1978 [1958]).

законов»³. Речь в данном случае идет, справедливо замечает Дж. Наджеми, о самой революционной из всех политических идей Макиавелли, согласно которой «свобода может процветать только там, где политическая конкуренция между социальными классами допускается и даже поощряется законом, институтами и — не в последнюю очередь — интеллектуалами» (Najemy, 1996: 126).

Этот ценный политический урок Макиавелли извлечен из основательного изучения истории Древнего Рима. По его мнению, своей свободой Римская республика была обязана конфликту между знатью и плебсом, патрициями и плебеями. В этом пункте он драматическим образом расходится с точкой зрения, которую можно было встретить как в речах и трудах древних римских ораторов и историков⁴, так и в сочинениях его современников — флорентийских интеллектуалов-гуманистов. Последние, в частности, считали, что раздоры между отдельными социальными группами и их политическими фракциями в городе представляют для него смертельную опасность, и потому не находили для них места в хорошо устроенной республике⁵. Настаивать, как это делал Макиавелли, на том, что гражданские междоусобицы в Риме «заслуживают всяческого одобрения [meritano somma laude]»

3. *Discorsi*, I, 7: E pero non è cosa che faccia tanto stabile e ferma una republica, quando ordinare quella in modo che l'alterazione di quegli omori che l'agitano abbia una via da sfogarsi ordinata dalle leggi. Под «омори» (в других местах «umori») — «нравами» или «настроениями» — Макиавелли имеет в виду прежде всего базисные устремления и интересы социальных сил и группировок, представленных в городе, главными из которых являются «знать» (*grandi*) и «народ» (*popolo*). Само понятие «гуморов» восходит к медицинским школам Древней Греции, которые понимали под ними жидкости в человеческом организме и выделяли четыре их вида: кровь, слизь, черную и желтую желчь. Когда эти четыре жидкости смешаны в организме правильно, человек здоров. Напротив, преобладание одной из жидкостей в организме приводит к болезни и даже, в случае неблагоприятного развития болезни, к смерти человека: на этом строилась такая составляющая учения античной медицины, как гуморальная патология (Карпов, 1936). У Макиавелли «гуморы» в лице *grandi* и *popolo* становятся главными политическими силами, действующими в политическом организме города. Поскольку понятие-метафора *omori/umori* имело большое значение в политической мысли Макиавелли, ниже мы остановимся на нем подробнее.

4. Уже у римского историка-моралиста Саллюстия можно встретить получившую затем широкое распространение в рамках классической политической и моральной традиции Запада идею, согласно которой «*concordia parvae res crescunt, discordia maxime dilabuntur*» — «согласием малые государства укрепляются, от разногласия величайшие распадаются» (*Саллюстий*. Югуртинская война, 10, 6. Перевод В. О. Горенштейна).

5. В своих заметках на «Рассуждения» Макиавелли его младший современник, дипломат и историк Франческо Гвиччардини (1483–1540) писал, что «хвалить рознь — это все равно что хвалить в большом болезнь ради лекарства, которым его лечат» (Гвиччардини, 2023: 56). Эту мысль Гвиччардини повторяет в «Диалоге об управлении Флоренцией» (*Dialogo del Reggimento di Firenze*, 1521–1524), где он вкладывает в уста одного из персонажей этого диалога — Бернардо дель Неро — ту самую мысль, которую Макиавелли столь настойчиво опровергает в «Рассуждениях», а именно — что величие Рима основывалось на его военной мощи и дисциплине, тогда как «его политическое устройство было беспорядочным и изобиловало восстаниями [el governo di dreto fu tumultuoso e pieno di sedizione], так что, не будь его военная доблесть [la virtù militare] столь велика, эта республика уже не раз потерпела бы крах» (Guicciardini, 1932: 150. Перевод мой. — Т. Д.).

(Макиавелли, 2006а: 28)⁶, означало тем самым идти наперекор одному из главных доктринальных положений флорентийского гражданского гуманизма⁷.

Макиавелли, однако, подобная постановка вопроса совершенно не смущала: в его «Рассуждениях» мы находим настоящий панегирик раздорам как гарантии политической свободы римской гражданской общины⁸. По оценке Макиавелли, «вражда между Сенатом и плебсом сохранила римскую свободу, ибо из нее родились законы в пользу вольности» (Макиавелли, 2006а: 84). Возражая против «мнения многих» (*la opinione di molti*), что «Рим был беспокойной республикой, полной всяческих беспорядков» (*Roma essere stata una repubblica tumultuaria, piena di tanta confusione*), вызванных раздорами между знатью и плебсом, которые едва не поставили Рим на грань гибели, и что только «благосклонность судьбы и воинская доблесть» (*la buona fortuna e la virtù militare*) спасли его от этой участи, Макиавелли настойчиво отстаивает ту точку зрения, что терзавшие Рим «беспорядки нельзя считать вредными» (*giudicare questi tumulti nocivi*), поскольку они не давали безоговорочно восторжествовать в городе какой-то одной из враждующих партий⁹. Как подчеркивает Макиавелли, именно существование в городе влиятельных общественно-политических сил с несходными и даже противоположным интересами, ни одна из которых не обладает безусловным превосходством над другой, создает ничем не заменимые социальные предпосылки для сохранения республиканской свободы и для обретения городом державного величия. По его хорошо известному отзыву, даже если социальные беспорядки в Риме были злом, они тем не менее представляли собой зло особого рода, необходимое для величия Рима, а потому «к вражде, возникающей между народом и Сенатом, следует относиться терпимо как к неудобству, неизбежному при достижении римского величия [*a pervenire alla romana grandezza*]» (Макиавелли, 2006а: 34).

Ссылаясь на эти и другие подобные им мысли Макиавелли, многие современные политические теоретики и историки политической философии отводят ему роль глашатая демократической политики, утверждая, подобно Антонио Негри, что «Макиавелли ставит государя на службу демократическому правительству» (Negri, 1992: 76) и даже что у Макиавелли «государь — это демократия» (Negri, 1992: 97), что Макиавелли «надо считать демократом, а не “республиканцем”» (McCormick, 2012: VIII), который «в значительной степени демократизировал принципы римского конституционного устройства» (McCormick, 2012: 7), и что «предпочте-

6. Здесь и далее все цитаты из «Рассуждений» (за исключением отдельных, особо оговоренных случаев) даются в переводе М. А. Юсима по изданию: Макиавелли, 2006а. Цитаты из итальянского оригинала, равно как и иные вставки в квадратных скобках, здесь и далее по тексту везде добавлены мной. — Т. Д.

7. На этот оригинальный аспект политического мышления Макиавелли неоднократно указывали многие современные ученые и исследователи. См., к примеру: Покок, 2020: 285–286; Скиннер, 2018: 306–308; Вок, 1990: 182–183; Lefort, 1978a: 137.

8. *Discorsi*, I, 4–6; II, proemio, 1–4; III, 1.

9. Перевод мой.

ния, отдаваемые Макиавелли плебсу — простому народу — представляют собой нечто новое в политической теории» (Smith, 2012: 131)¹⁰.

В какой мере эти оценки и интерпретации оправданны, а в какой они выдают желаемое за действительное? Дает ли Макиавелли повод для того, чтобы приписывать ему подобные политические взгляды и предпочтения? Попробуем разобраться в этом вопросе более детально, привлекая с этой целью его не только политические («Государь» и «Рассуждения»), но и исторические («История Флоренции») произведения Макиавелли, равно как и памятуя о том, что в дискурсивном поле исследовательской литературы о великом флорентийце и его политических идеалах «разнообразие интерпретаций и мнений, глубина конфликтов, а также накал критических страстей достигают самой высокой степени» (Lefort, 1978b: 144).

Конфликт знати и народа как залог свободы и величия Рима

Начнем с реконструкции взглядов Макиавелли на конфликт между знатью и народом как на залог свободы и процветания хорошо устроенной республики. Не затрагивая этот вопрос в целом, мы коснемся его лишь в той мере, в какой это необходимо для последующего рассмотрения интересующей нас проблемы. Один из главных тезисов, которые Макиавелли развивает в своих «Рассуждениях», заключается в том, что социальный конфликт не только *конститутивен* для политической жизни, но при определенных обстоятельствах может быть *полезен* для нее. В качестве примера он ссылается на историю Римской республики, которая сделалась свободной и могущественной благодаря противостоянию плебса и Сената, поскольку из конфликтов между римской знатью и народом «проистекали не изгнания и насилия, наносящие урон общему благу [commune bene], а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу [leggi e ordini in beneficio della publica libertà]» (Макиавелли, 1982b: 389)¹¹.

Идея о том, что конфликт между патрициями и плебеями был причиной величия Рима и гарантией его свободы, составляет одну из главных новаций, внесенных Макиавелли в политическую мысль европейского модерна. «Те, кто осуждает беспорядки между нобилиями и плебсом, — доказывал он, — по-моему, порицают самую причину римской вольности [prima causa del tenere libera Roma], обращая больше внимания на внешнюю сторону этих беспорядков, а не на их благотворные последствия; они не видят, что в любой республике существует два противоборствующих стана, народ и знать [due umori diversi, quello del popolo e quello de' grandi], и что все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния [nascono dalla disunione loro]» (Макиавелли, 2006a: 27–28).

10. Судя по всему, первым, кто обратил внимание на эту характерную тенденцию в современной макиавеллиане и дал ей резко критическую оценку, был известный знаток Макиавелли и историк политической мысли Возрождения и Нового времени Маурицио Виरोли. См. об этом: Viroli, 2017.

11. Перевод Р. Хлодовского.

Народ (*popolo*) и знать (*grandi*) как главные социальные группировки города различаются, по Макиавелли, прежде всего своими «нравами» или «устремлениями» (*umori*): в то время как знать желает повелевать, народ, напротив, не хочет, чтобы его угнетали¹². «Рассмотрев цели знатных и незнатных слоев населения, — пишет Макиавелли в «Рассуждениях», — мы увидим у первых великое желание властвовать [*desiderio grande di dominare*], а у вторых — только стремление избежать гнета [*solo desiderio di non essere dominati*], а следовательно, и большую тягу к гражданской вольности [*maggiore volontà di vivere liberi*]» (Макиавелли, 2006а: 29). Эту точку зрения Макиавелли проводит не только в «Рассуждениях», но и в «Государе» и «Истории Флоренции»¹³. Тем самым он очерчивает тот главный общественно-политический конфликт, которым, по его мнению, определяется жизнь любого города или республики. Конкретизируя свою мысль о том, что конфликт между знатью и народом был залогом величия и свободы Рима, Макиавелли выдвигает предположение, что именно народ, а не знать является наиболее подходящим кандидатом на роль хранителя и защитника республиканской свободы (*la guardia della libertà*)¹⁴. «Всякую вещь, — говорит Макиавелли, — лучше охраняет тот, кто менее склонен на нее покушаться» (Макиавелли, 2006а: 29). Это соображение заслуживает первостепенного внимания при поиске ответа на вопрос, кому в республике следует доверить защиту свободы — народу или грандам. Сопоставление целей, которыми руководствуются знать и народ, приводит Макиавелли к выводу, что коль скоро народ стремится прежде всего избежать угнетения, то он, в отличие от знати, редко выступает в роли душителя республиканской свободы. Более того, несмотря на свое невежество, народ достаточно умен для

12. В то время как в Древнем Риме конфликт двух социальных начал принял форму борьбы между патрициями и плебеями, применительно к политической истории и актуальной политической практике его родной Флоренции Макиавелли дает более дробную классификацию борющихся социальных групп. Таких элементов в «Рассуждении о флорентийских делах» (1520/1521) он насчитывает три: это первые люди, или знать (*primi*), средний элемент (*mezzani*) и последние люди, «ничтожный народ» (*ultimi, l'infima plebe*) (Machiavelli, 2018: 164). Сходное деление мы находим и в его «Истории Флоренции», где он отмечает несколько главных социальных противоречий, характерных для жизни флорентийской городской коммуны: внутри самой знати, между *nobili* (знатью) и *popolo* (народом), а также между *popolo* и *plebe* (плебсом, городскими низами). Из этих противоречий главным, однако, также является конфликт между знатью и народом. Предлагая такую социальную категоризацию, Макиавелли отдает дань как классической политической и исторической традиции Запада (Аристотель, Полибий, Тит Ливий), так и дискурсивным практикам символической организации политического воображаемого в его родной Флоренции (Gilbert, 1973: 23-24). О характере гражданских раздоров во Флоренции и их оценке, которую Макиавелли дает в своей «Истории Флоренции», см. мою статью: Дмитриев, 2020.

13. *Il Principe*, cap. IX; *Discorsi*, I, 3-6; *Istorie fiorentine*, III, 1.

14. Здесь, правда, сразу стоит оговориться, что из текста самих «Рассуждений» Макиавелли, как проницательно подметил в свое время Франческо Гвиччардини, остается не вполне понятным, что имеется в виду под функцией народа как «защитника свободы». А именно неясно, идет ли в данном случае речь об определенном распределении власти между народом и знатью в рамках политического устройства города, или же Макиавелли подразумевает здесь нечто иное, например, что народ или уполномоченные им на то лица должны нести особую ответственность за сохранение в городе гражданской свободы. Соображения Гвиччардини на этот счет см.: Гвиччардини, 2023: 58.

того, чтобы прислушаться к предостережениям мудрых и достойных людей. «Требования свободных народов, — констатирует Макиавелли, — редко покушаются на вольность; их вызывают к жизни угнетение или угроза установления гнета» (Макиавелли, 2006а: 28).

По мнению Макиавелли, знатные и власть имущие люди наносят республике и ее свободе больший ущерб, чем те, кто жаждет перемен, поскольку желание сохранить нажитое заставляет их стремиться иметь все больше и больше. Обсуждая Спарту, Рим и Венецию в пятой главе первой книги «Рассуждений», Макиавелли задается вопросом о том, «какая из человеческих склонностей пагубнее для республики — та ли, что побуждает сохранять приобретенные почести [l'onore già acquistato], или же та, что толкает на их приобретение» (Макиавелли, 1982b: 392)¹⁵. Отвечая на этот вопрос, он перво-наперво указывает на то, что тот, кто желает сохранить, «боится утратить приобретенное», и добавляет, что страх потерять приобретенное богатство порождает у имущих «те же самые страсти, которые свойственны неимущим, ибо никто не считает, что он надежно владеет тем, что у него есть, не приобретая большего» (Макиавелли, 1982b: 393). По этой причине, как считает Макиавелли, «смуты чаще вызываются людьми имущими», как потому, что «более богатые люди имеют большие возможности и средства для учинения пагубных перемен», так и потому, что «их наглое и заносчивое поведение зажигает в сердцах людей неимущих желание обладать властью либо для того, чтобы отомстить обидчикам, разорив их, либо для того, чтобы самим получить богатство и почести, которыми они злоупотребляют» (Макиавелли, 1982b: 393)¹⁶.

По сути дела, именно этот круг идей о конфликте между народом и знатью как основе свободы и величия Рима, изложенных Макиавелли по большей части в первых главах первой части «Рассуждений», и служит современным интерпретаторам и эрудитам поводом для того, чтобы объявить его если не «отцом», то по крайней мере «предтечей» демократической политики европейского модерна. Они доказывают, что на основе своего анализа противостояния знати и народа Макиавелли приходит к заключению, что в городе существует элемент, который является *благим*. Этот элемент — «народ» (*popolo*), единственное стремление которого заключается в том, чтобы избежать произвола и притеснения со стороны грандов. Ведь Макиавелли прямо говорит, что «у народа, который не хочет быть угнетаем, цель более достойная [è più onesto], чем у грандов, которые сами хотят угнетать» (Макиавелли, 2006а: 318). На этом основании Пьер Манан уверяет нас,

15. В последующем, однако, при рассмотрении этого вопроса в пятой главе первой книги «Рассуждений» Макиавелли приходит к выводу, что его разрешение в определяющей степени зависит от того, превалирует ли в соответствующем политическом сообществе внешняя политика над внутренней или нет. «В конце концов, тщательно все разобрав, — пишет он, — приходишь к такому выводу: или речь идет о республике, желающей, как Рим, расширить свои владения, или о той, которой [подобно Спарте и Венеции] достаточно сохранить свои собственные» (Макиавелли, 2006а: 30). Подробнее об этой альтернативе см. ниже.

16. В данном случае мы цитируем «Рассуждения» в переводе Р. Хлодовского, который лучше передает интересующий нас смысловой нюанс размышлений Макиавелли.

что «радикально отрицая претензии грандов на “доблесть”, и в то же самое время говоря о том, что у народа цель более достойная, чем у грандов, Макиавелли становится первым *демократическим* мыслителем современности» (Manent, 1987: 43).

Для того чтобы дать ответ на вопрос, был ли Макиавелли поклонником демократии, необходимо, на наш взгляд, прежде всего выяснить, в какой степени зафиксированный Макиавелли сценарий базового общественно-политического конфликта, разделяющего город как минимум на две противоборствующие стороны и в своих крайних проявлениях ведущий его в направлении одной из трех вероятных развилок: либо к анархии, либо к учреждению режима единоличной власти, либо к установлению свободного правления¹⁷, дает основания причислять его к числу «демократических мыслителей современности».

Отношение Макиавелли к античной демократии и проблема смешанного строя правления

В сочинениях Макиавелли мы не встретим высокой оценки демократии как формы политического правления. Единственный раз, когда он относительно подробно рассматривает демократию как форму правления, связан с его сопоставлением политической жизни демократических Афин после реформ Солона с жизнью олигархической Спарты после реформ Ликурга, причем это сравнение оказывается явно не в пользу Афин. Макиавелли указывает, что демократическое устройство Афин, учрежденное Солоном, оказалось неудачным и просуществовало недолго; более того, оно открыло дорогу тирании Писистрата; и «хотя потомки последнего через сорок лет были изгнаны, так что в Афины снова вернулась свобода [libertà] и восстановилось народное правление по образцу Солона [lo stato popolare, secondo gli ordini di Solone], оно продержалось всего сто лет» (Макиавелли, 2006а: 25).

Неудачу реформ Солона Макиавелли противопоставляет реформам Ликурга в Спарте¹⁸, которые были обязаны своим успехом тому, что этот спартанский законодатель пошел по пути создания «смешанного образа правления» и в своих «законах, принятых для Спарты, отвел причитающуюся им долю [dando le parte sue] и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет, наслаждаясь покоем и прославляя его имя». Секрет долговечности политического строя в Спарте, которой управлял царь и небольшой сенат, Макиавелли вслед за «древними» авторами видит в том, что «жителей там было немного, а новым поселенцам доступ был закрыт» (Макиавелли, 2006а: 31)¹⁹. Кроме того, в Спарте довольно долго удавалось избегать появления серьезного

17. Как ясно дает понять Макиавелли в «Государе» (*Il principe*, cap. IX), «борьба этих двух стремлений приводит в городах к одному из трех результатов: возникновению принципата, режиму свободы или произволу [da questi due appetiti diversi nasce nelle città uno de' tre effetti, o principato, o libertà, o licenza]» (Макиавелли, 2006б: 317. Перевод исправлен мной).

18. О взглядах Макиавелли на роль Ликурга и его реформу политических порядков в Спарте более подробно см.: Del Lucchese, 2021: 39–72, 41–44 особенно.

19. Перевод исправлен мной.

неравенства между гражданами, основанного на собственности, поскольку «Ликург в Спарте своими законами предписывал в большей степени равенство собственности и в меньшей степени — равенство по должности. Поэтому все были одинаково бедными, а плебеи не слишком честолюбивы, поскольку знать города ограничивалась немногими гражданами, в ряды которых плебеи не имели доступа [i plebei erano manco ambiziosi perché i grandi della città si distendevano in pochi cittadini ed erano tenuti discosto dalla plebe]»²⁰. Однако, поскольку цари в Спарте защищали плебеев от произвола знати, а богатство последней не было настолько вызывающим, чтобы рождать зависть у плебеев, то последние мирились с неравенством в звании и должности до тех пор, пока равенство в собственности преобладало.

Таким образом, будучи сведенным воедино, баланс достоинств и недостатков политического строя Афин и Спарты в глазах Макиавелли склоняется в пользу второй по той простой причине, что в Спарте существовал смешанный образ правления, по сравнению с которым «в афинском устройстве недоставало преимуществ принципата и правления оптиматов». Этим обстоятельством было обусловлено то, что «Афины продержались гораздо меньше по сравнению со Спартой [visse Atene a rispetto di Sparta brevissimo tempo]» (Макиавелли, 2006а: 25).

Последнее суждение Макиавелли свидетельствует о том, что важным аргументом против демократического образа правления в его глазах служила недолговечность (*la brevità della vita*) этого строя. Данную мысль он высказывает не только при оценке истории афинской демократии после реформ Солона, но и в более общем ключе при изложении своих взглядов на круговорот политических форм в «Рассуждениях»²¹. Здесь он отмечает, что правление оптиматов — лучших людей города, — которое приходит на смену единоличному правлению принцепса, имеет тенденцию вырождаться «в олигархию, враждебную всякой гражданственности [sanza avere rispetto ad alcuna civiltà]». Подобная политика правящих олигархов порождала всеобщее недовольство, и всегда находился кто-то, кто становился возмутителем спокойствия и «свергал этих правителей при помощи большинства [moltitudine]». Однако, поскольку «память о единоличном государе и твори-

20. Перевод мой.

21. Эти размышления Макиавелли, как неоднократно отмечали многие исследователи, находятся под определяющим влиянием идей VI книги «Всеобщей истории» Полибия, целиком посвященной державному величию Рима и причинам его возвышения, с которой Макиавелли был хорошо знаком. Об этом свидетельствует уже то, что в главе второй первой книги «Рассуждений» Макиавелли «повторяет некоторые страницы 6-й книги Полибия в пересказе, временами приближаясь к литературному (дословному) переводу без упоминания имени Полибия» (Фриц, 2007: 23). Историографическая загадка, откуда Макиавелли был знаком с шестой книгой «Всеобщей истории» — греческого он не знал, а первые латинские переводы «Истории» увидели свет уже после его смерти, — была счастливо разрешена в конце прошлого века итальянским исследователем Карло Дионисотти, который довольно убедительно показал, что Макиавелли скорее всего познакомился с текстом Полибия о круговороте форм правления по латинскому рукописному переводу, сделанному в 1504 году одним из членов кружка, собиравшегося для бесед в садах Оричеллари (куда был вхож Макиавелли), Бернардо Ручеллаи в его «De urbe Rome» (1504) (Dionisotti, 1980: 139-140). Об отношении Макиавелли к теории *anacyclosis* Полибия см.: Sasso, 1967a: 161-222; Sasso, 1967b: 223-281.

мых их несправедливостях была еще свежа, то, отменив правление меньшинства и не желая вернуться к правлению одного, люди обратились к народовластию [*stato popolare*], в котором ни государь, ни олигархия не могли играть никакой роли». Но и этот новый режим держался «недолго, не дольше жизни установившего его поколения, поскольку совершался переход к произволу [*licenza*], не щадящему ни властей, ни частных лиц» (Макиавелли, 2006а: 24)²².

Как можно видеть, оценка, которую Макиавелли дает демократической форме правления, носит явно нелицеприятный характер; более того, его описание жизни развращенного демократического города проникнуто откровенной неприязнью и, по сути своей, повторяет полемическое описание поведения «демократического человека», которое дает Платон в своем «Государстве» (Plat. Rep. VIII, 557b–561e): при демократии «всякий делает что хочет, и повседневно творится множество безобразий, поэтому по необходимости или по подсказке какого-нибудь доброжелателя, чтобы обуздать произвол, люди снова обращаются к единоличному правлению [*principato*]» (Макиавелли, 2006а: 24–25). Закономерным итогом демократического опыта правления является, по Макиавелли, возвращение к единоличному образу правления, т. е. завершение одного политического цикла и начало следующего.

Этот аргумент, однако, нельзя отнести к решающим из числа выдвинутых Макиавелли против демократии, поскольку он в той же главе «Рассуждений» указывает на недолговечность не только демократии, но и трех хороших образов правления. Эти три типа правления — принципат (*il Principato*), правление оптиматов (*gli Ottimati*) и народное правление (*il Governo Popolare, stato popolare*) Макиавелли называет «хорошими сами по себе [*buoni in loro medesimi*]» (Макиавелли, 2006а: 23), но при этом он усматривает их коренной недостаток в том, что они «столь легко поддаются разложению, что... становятся губительными [*si facili a corrompersi che vengono ancora essi a essere perniziosi*]» (Макиавелли, 2006а: 23)²³. Таким образом, заключает Макиавелли, будучи хороши сами по себе, эти образы правле-

22. Стоит отметить, что, как справедливо подчеркивает Джорджи Инглезе, понятие «произвола» (*la licenza* или *lo stato licenzioso*), которое Макиавелли использует в целом ряде своих сочинений (*Il Principe*, cap. 9; *Discorsi*, I, 2; *Istorie fiorentine*, IV, 1), выполняет у него роль терминологического эквивалента для передачи такого синонимичного ряда политико-полемических понятий, как *demokratia* у Аристотеля, *ochlokratia* у Полибия и *la democratia* у Фомы Аквинского и Данте (Inglese, 2011: 195). Это также может служить для нас важным, в данном случае — терминологическим аргументом в пользу того, что Макиавелли вовсе не был сторонником демократии как формы политического правления, в каковые его сегодня столь настойчиво пытаются записать некоторые, и что он уже на уровне понятийной терминологии четко и недвусмысленно отличал *демократию* как плохой и «чистый» политический режим от *народного правления* (*il Governo Popolare, lo stato popolare*) как такого хорошего и «чистого» режима, в рамках которого народ играет серьезную роль в решении политических дел, но который, не будучи составной частью смешанного образа правления, подобно всем прочим хорошим «чистым» политическим формам, в любом случае является нестабильным и недолговечным.

23. Легко поддаваясь политическому разложению, эти три хорошие формы правления превращают в три плохие: «принципат может быстро стать тиранией, правление оптиматов — сосредоточить власть в руках меньшинства, народное правление без труда переходит в произвол [*licenza*]» (Макиавелли, 2006а: 23).

ния тем не менее «пагубны» «вследствие [их] недолговечности [per la brevità della vita]» (Макиавелли, 2006а: 25). С точки зрения интересующей нас проблемы здесь важно то, что недолговечность, будучи общим недостатком всех трех «хороших» образов правления — монархии, аристократии и народного правления, — служит Макиавелли важным аргументом в пользу предпочтения всем им «смешанного образа правления». «Сознавая эту трудность, — пишет он, — благоразумные законодатели, не отдавая предпочтения каждому из этих режимов в отдельности, выбрали один самый прочный и постоянный, соединяющий в себе достоинства всех трех, которые в нем дополняют друг друга, при этом в одном городе сосуществуют принципат, правление оптиматов и народовластие» (Макиавелли, 2006а: 25). Примером такого смешанного правления для Макиавелли в древности была Спарта, а в современном ему мире — Венецианская республика.

Однако еще более ярким примером удачного смешанного правления времен классической Античности служит для Макиавелли Рим республиканского периода от изгнания царей до гибели республики (509–31 до н. э.), появлением которого Вечный город был обязан борьбе между плебсом и Сенатом. Ее кульминацией стало учреждение института народных трибунов, значение которого для политической истории Рима Макиавелли в целом оценивает достаточно высоко, поскольку народные трибуны не только защищали плебеев от притеснений и произвола знати, но нередко и выступали в роли посредников между плебсом и Сенатом, помогая двум враждебным сторонам найти общий язык и прийти к компромиссу²⁴. «Если беспорядки привели к возникновению трибуната, — подчеркивает он, — то они заслуживают всяческого одобрения, потому что при этом народ не только получил свою долю власти [dare la parte sua all'amministrazione popolare], но и был заложен оплот римской свободы» (Макиавелли, 2006а: 28).

При этом история формирования смешанного строя в Риме в изложении Макиавелли сильно отличается от истории его возникновения в Спарте. Принципиальное различие между Римом и Спартой с точки зрения становления их политических институтов заключалось в том, что в то время как в Спарте учреждение смешанного строя было результатом политического действия одного выдающегося законодателя — Ликурга, смешанный политический строй Рима с его институтами консулов, Сената и народных трибунов оформился постепенно в ходе ожесточенной борьбы между римской знатью и плебсом²⁵. «Только благодаря тому, что Рим, в отличие от Спарты, основой своей имел не указ законодателя,

24. «После многих смут, волнений и опасных беспорядков, в которых участвовали плебс и знать, для успокоения народа был учрежден трибунат, располагавший достаточной властью и уважением, чтобы стать посредником между плебсом и сенатом и противостоять заносчивости нобилей» (Макиавелли, 2006а: 27).

25. Из тех городов, которые «с самого начала избежали чужого ярма и имели собственное республиканское или монархическое правление», пишет Макиавелли, некоторые при своем основании «получили сразу все законы от одного человека, как, например, спартанцы от Ликурга, другие вырабатывали свои законы постепенно, по мере развития событий, как было в Риме [alcune le hanno avute a caso e in più volte e secondo li accidenti, come ebbe Roma]» (Макиавелли, 2006а: 22).

а внутреннюю динамику классовой борьбы, он мог, по мнению Макиавелли, стать мировой державой и сохранять это положение на протяжении веков» (Münkler, 2004: 377–378).

Таким образом, благоприятный исход римских раздоров после свержения власти царей Макиавелли связывает с появлением в Риме смешанного образа правления, сочетающего в себе элементы царской (консулы), аристократической (сенат) и народной власти (комиции, трибунат). Это политическое устройство, «будучи смешанным, создало совершенную республику [rimanenda mista, fece una repubblica perfetta]»²⁶.

Кроме того, важное отличие римского политического строя от спартанского состояло в том, что он был ориентирован на внешнюю экспансию и территориальное расширение, а не на самосохранение и изоляцию от соседей. Если относительно Спарты можно говорить о примате в этом полисе внутренней политики над внешней, то применительно к Риму Макиавелли считает верным обратное (Mansfield, 1998: 89–90). Этими противоположными ориентациями на внутреннюю самодостаточность и внешнюю экспансию Макиавелли объясняет и различие внутреннего политического устройства двух полисов. В то время как в Спарте число полноправных граждан-воинов с самого начала было ограничено, всеми делами управляли цари и небольшой Сенат, а чужакам и пришельцам не предоставлялись права гражданства, чтобы сохранить «внутреннее единство» (*vivere uniti*) местной гражданской общины, политика внешней экспансии правящих кругов Рима требовала вооружения народа и его допуска к участию в решении внутренних и внешних политических дел.

Вооружение народа и предоставление гражданства жителям завоеванных территорий привело в Риме времен республики к появлению «широкого правления» (*governo largo*), тогда как республики, которые, подобно Спарте в Античности и Венеции в современной Макиавелли Италии, стремились к самосохранению, с неохотой шли на вооружение народа, осуществляли ограничительную политику предоставления гражданства и, как правило, управлялись олигархическими правительствами. Такой тип правления, не допускающий народ к участию в принятии политических решений, отказывающийся от расширения гражданской общины за счет принятия в него новых членов и — как это было в случае с Венецией — от вооружения народа, Макиавелли называет «узким правлением» (*governo stretto*).

Такая постановка вопроса у Макиавелли наводит на мысль о том, что вооружение народа и использование Римом на войне армий, состоящих из свободных граждан, а не из наемных солдат, как это было принято у Египта, Персии, Ассирии, Шумера и Карфагена, равно как и получение народом своей доли власти (*la parte sua*) в Римской республике было обусловлено не только социальными раздорами между знатью и народом, но и внешнеполитической ставкой Рима на территориальную экспансию, сперва — на Апеннинском полуострове, а затем — в Западном

26. Перевод мой.

и Восточном Средиземноморье. Поскольку римская армия была сильна своими легионерами — самоэкипированными тяжеловооруженными воинами-пехотинцами, набиравшимися из свободных граждан, а от армии в решающей степени зависела как безопасность Рима, так и успехи его внешней экспансии, служившей важнейшим источником военной добычи, римский плебс, устраивая «забастовки» и саботируя усилия правящей аристократии, неоднократно заставлял ее прислушиваться к себе и идти на выгодные для него уступки, к числу которых следует отнести и создание института народных трибунов. Для того чтобы сделать свои требования более весомыми в глазах знати, плебеи устраивали демонстрации, закрывали лавки и выплескивали свое недовольство в стычках на Форуме, но главными средствами давления римского плебса на знать был отказ идти на войну и сецессия (*secessio plebis*)²⁷.

По словам Макиавелли, «для Рима было обычным, что когда народ хотел добиться нужного ему закона, он либо прибегал к какому-нибудь из вышеназванных действий, либо отказывался идти на войну, и тогда, чтобы успокоить его, приходилось в какой-то мере удовлетворять его желание» (Макиавелли, 1982b: 390)²⁸. Отсюда проистекал важнейший принцип римской политики — *ex imperio libertas*: «поскольку плебеи были вооружены, они могли отстаивать свои требования не посредством гражданской войны, а угрозой отделения», суть которой «состояла в том, что плебс не отделялся: значение беспорядков и раздоров в раннем Риме заключалось в том, что они были инструментами политических переговоров» (Россок, 2010: 150).

Подводя итог рассмотрению истории формирования политического строя Рима и его институтов, Макиавелли приходит к выводу, что «римским законодателям, пожелай они сохранить спокойствие в городе, как в вышеназванных республиках [Венеции и Спарте], необходимо было либо не использовать на войне плебс, как в Венеции, либо закрыть доступ для чужеземцев, как в Спарте. Римляне не сделали ни того, ни другого, так что плебеи получили власть и умножились, и это дало им бесчисленные возможности для беспорядков. Но, избрав внутреннее спокойствие, римское государство одновременно ослабило бы себя, потому что тем самым отрезало бы себе пути к будущему величию; устраняя причины для раздоров, Рим лишился бы средств к расширению» (Макиавелли, 2006a: 32). Каковы бы ни были неудобства, доставляемые вооружением народа и предоставлением ему определенной доли политического участия в принятии решений относительно судебных республики, они до поры до времени с лихвой искупались, как считал Макиавелли, жизнеспособностью политической системы Рима и его внешнеполитическими успехами.

27. Под «сецессией» (лат. *secessio*, от глагола *secedo* — ухожу) Макиавелли имеет в виду демонстративный уход плебеев Рима за пределы городской черты, на Авентинский холм или на Священную гору, который неоднократно практиковался ими (в 494, 449, 445, 342 и 287 гг. до н. э.) в качестве формы борьбы за свои политические и социальные права и интересы. Принято считать, что институт народных трибунов был учрежден в Риме после первой сецессии 494 года для защиты интересов плебеев.

28. Перевод Р. Хлодовского.

В свою очередь, сравнение двух типов смешанного правления — *governo largo* (Рим) и *governo stretto* (Спарта, Венеция) — приводит Макиавелли к заключению, что саму стабильность и долговечность существования политического строя не следует считать решающим критерием при определении того, какую из числа смешанных форм правления следует предпочесть. Необходимо учесть по крайней мере еще два базовых критерия, использование которых существенно усложняет политическую картину, рисуемую великим флорентийцем в пятой и шестой главах первой книги «Рассуждений». Первый из них связан с определением приоритетов при выборе политического курса республики, т. е. с тем, ставятся ли во главу угла вопросы внутренней или внешней политики, делается ли упор на мир и стабильность внутри или же на территориальную экспансию вовне. Здесь принципиальная линия разделения проходит между Римом, с одной стороны, и Спартой и Венецией — с другой. Крайне показательно, что симпатии самого Макиавелли в этой заочной тяжбе явно на стороне Римской республики, срок политического существования которой был короче, чем у Спарты и Венеции, но которая, вступив на путь территориального расширения, смогла, в отличие от этих последних, завоевать большую славу. Наиболее достойный удел (*parte più onorevole*) для республики заключается в том, чтобы вести державную политику внешней экспансии и предусмотреть, в случае, если «нужда [la necessità] заставит ее расширить владения, возможность сохранения за собой приобретенного» (Макиавелли, 2006а: 33–34). А это, в свою очередь, дает Макиавелли основание заявить, что «необходимо следовать римскому образцу [sia necessario seguire l'ordine romano]» (Макиавелли, 2006а: 34). Поскольку у Рима была более грандиозная цель, его державное величие (*grandezza*) следует предпочесть величию Спарты и Венеции в качестве образца для подражания — таков итоговый вывод, к которому приходит Макиавелли.

Второй, не менее важный критерий оценки затрагивает «связь между внешней политикой и распределением внутренней власти» (Покок, 2020: 286). Здесь неординарная гипотеза, предлагаемая Макиавелли, заключается в том, что республика, проводящая активную внешнюю политику, направленную на территориальное расширение, должна быть, если судить по примеру Рима, более демократически устроенной в плане учета правящей аристократией интересов народа, не бояться его вооружения и быть готовой интегрировать приобретенные территории посредством предоставления живущему там населению прав гражданства. Тем самым опыт Древнего Рима в истолковании Макиавелли подсказывает, что «существует глубинная связь между внешними завоеваниями, вооружением плебеев и *vivere popolare*» (Покок, 2020: 288).

Величайшее политическое открытие Макиавелли с этой точки зрения состояло в обнаружении в римском республиканском политическом опыте такой своеобразной смешанной формы правления, которая, в отличие от всех прочих античных (Спарта) и современных ему (Венеция) образцов, будучи тесно связанной с борьбой противоположных социальных начал внутри самого города (отсюда — высокая оценка римских внутренних раздоров), была ориентирована не на дости-

жение «истинного спокойствия города» (*vera quiete d'una città*) за счет минимизации своих внешнеполитических амбиций и использования «закрытой» модели гражданства, но на державную экспансию вовне (отсюда — высокая оценка территориального расширения Рима и римской модели «инклюзивного» гражданства). Благодаря новациям Макиавелли и его последователей в политической философии модерна в конечном счете изменилось само наше представление о смешанной форме правления. «Отличительной чертой классического смешанного режима правления было стремление к покою; отличительной чертой нашего смешанного режима является открытость движению» (Manent, 2013: 207).

Таким образом, в ходе политического анализа в «Рассуждениях» Макиавелли дифференцирует республики, имеющие смешанное политическое устройство, в зависимости от двух факторов: происхождения их политического строя и от того, стремятся ли эти государства к самосохранению и внутренней стабильности или же к внешней экспансии. Государства, стремящиеся к самосохранению, оказываются, по его мнению, внутренне более стабильными, но при этом управляются олигархически и, как правило, не проводят политики предоставления гражданских прав чужакам и чужеземцам. Напротив, государства со смешанным строем, стремящиеся к внешней экспансии, — примером такой гражданской общины для Макиавелли служит Рим времен республики — вынуждены по этой причине вооружать народ, учитывать его интересы и в конце концов предоставлять ему определенную долю участия в политической власти, а также осуществлять политику раздачи гражданства на новых территориях. Таковы основные линии анализа различных типов республиканского правления у Макиавелли, на основе которого он формулирует свой идеал смешанного политического строя.

«Смешанный образ правления» как политический идеал Макиавелли

Почему в своем учении о политике Макиавелли отдает явно выраженное предпочтение именно смешанной форме правления, а точнее — ее римскому образцу? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вернуться к его анализу базисного социального конфликта, характерного для города или республики.

В своей «Истории Флоренции» Макиавелли писал, что «города, управляемые под именем республики, особенно не имеющие хорошего внутреннего устройства, часто подвержены переменам правительств и режимов власти, которые не означают перехода от свободы к рабству или наоборот, как многие полагают, а лишь — чередование режимов рабства и своеволия. Ведь от свободы, которую прославляют и сторонники произвола [*ministri della licenza*], пополаны [*i popolari*], и защитники рабства [*quelli della servitù*] — нобили [*i nobili*], остается одно название, потому что ни те, ни другие не желают подчиняться ни людям, ни законам» (*Istorie fiorentine*, IV, 1. Пер. М. А. Юсима)²⁹.

29. Цит. по: Юсим, 1990: 125.

В данном отрывке Макиавелли совершенно четко дает понять своему читателю, что в сотрясаемых конфликтами республиках свобода нередко становится не более чем громким политическим лозунгом, независимо от того, какой городской элемент к ней апеллирует³⁰. Даже народ, которому Макиавелли отдает предпочтение в качестве «защитника свободы», в этой ситуации не может пользоваться абсолютным иммунитетом ее сторонника. По большому счету, неважно, кто конкретно в пораженной ожесточенным политическим противостоянием республике выступает за свободу — городская знать или народ в лице пополанских торгово-ремесленных слоев; в любом случае реальным интересом первой, скрытым под лозунгом свободы, будет порабощение города и его народного элемента, а реальным интересом вторых — произвол, от которого не поздоровится никому. Тирания, говорит Макиавелли, порождается «неумеренными стремлениями народа к свободе, а знати — к власти» (Макиавелли, 2006а: 90)³¹, а посему в хорошо устроенной республике каждой из этих социальных групп должно быть отведено свое, подобающее место в системе власти, а их политическому действию поставлены определенные пределы, умеряющие их желания «иметь больше» положенного. Искусство же политического управления городом в этих условиях со стороны «лучших людей», составляющих его правящую верхушку, заключается в том, чтобы каждое социальное начало, в нем представленное, занимало в рамках этого политического устройства свое подобающее ему место и не пыталось подмять под себя все прочие. Таким образом, Макиавелли прекрасно отдает себе отчет в том, что *ничем не ограниченная власть*, будь то власть немногих знатных лиц или же власть многих (*la moltitudine*) простолюдинов, всегда представляет собой большое зло для свободной республики.

Поэтому он — в качестве своего политического идеала — выдвигает на первый план смешанный образ правления, основанного на обуздании чрезмерных устремлений (*ambizioni*) как знати, так и народа при помощи хороших политических институтов, религии и законов³². Уникальную возможность для выхода города из со-

30. Здесь у Макиавелли были явные предшественники в традиции римской историографии республиканской эпохи и, в частности, Саллюстий, который в сочинении «О заговоре Катилины» (38, 1-3), яркими красками рисуя борьбу популяров и оптиматов в Риме в период кризиса и заката республики, писал, что молодые люди, настроенные против власти Сената, «начали своими обвинениями против олигархии пропагандировать плебеев, а потом разжигать их еще более подачками и обещаниями. Такими приемами они приобретали себе популярность и влияние. Против них всеми средствами боролась большая часть нобилитета, стремившаяся под видом защиты прав сената расширить границы своего влияния... Одни притворялись, будто защищают права народа, другие — будто стремятся поднять на надлежащую высоту авторитет сената, все вместе — что они отстаивают общественное благо, на деле же каждый боролся за свое собственное могущество» (пер. с лат. С. П. Гвоздева). О до-современных источниках теории смешанного правления у Макиавелли см.: Pasquino, 2009; Sasso, 1967b; Skinner, 1990.

31. Подобная постановка вопроса хорошо согласуется со взглядом Макиавелли на природу чело- века, согласно которому «люди делают добро только по необходимости; но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать как хочешь, сразу же начинаются смуты и беспорядки» (Макиавелли, 2006а: 27).

32. Об этом важном для политического учения Макиавелли понятии «ambizione» см.: Price, 1982.

стояния анархии Макиавелли видел в появлении мудрого законодателя, который при помощи хороших законов мог бы создать свободное политическое устройство, умеряющее страсти как знати, так и народа, хотя такой поворот событий и представляется ему, по его собственному признанию, крайне маловероятным. «Правда, когда все же случается так (это случается редко), что на счастье такого города в нем появится мудрый, добрый и могущественный гражданин, который издаст законы, умеряющие страсти нобилей и пополанов или ограничивающие их таким образом, чтобы они не могли причинять зло, тогда этот город можно назвать свободным государством [quella città si può chiamare libera] с прочным и надежным фундаментом власти, ибо, основываясь на хороших законах и порядках [buone leggi e buoni ordini], оно не нуждается в доблести одного человека [non ha necessita della virtù d'uno uomo] для своей прочности, как это бывает в других случаях» (*Istorie fiorentine*, IV, 1. Пер. М. А. Юсима)³³.

Что должен представлять собой смешанный политический строй и какого рода критериям и требованиям он должен соответствовать с точки зрения Макиавелли? Как он указывает в «Рассуждениях», к свободным городам относятся те, что «управляются своей собственной волей [governate per loro arbitrio]»³⁴. Соответственно, свободными государствами флорентийский мыслитель называет такие, которые «привыкли жить свободно и подчиняться собственным законами [consueti a vivere con le loro leggi e in libertà]» (Макиавелли, 2006а: 305). Конкретизируя свое понимание свободных государств, Макиавелли поясняет в «Истории Флоренции», что город может называться свободным (*si può chiamar libera*), если он имеет хорошие законы и порядки (*buone leggi e buoni ordini*), которые обуздывают нравы как знати, так и народа, т. е. нежелание ни тех, ни других «подчиняться ни людям, ни законам». Свободные республики должны быть способны умерять и умиротворять как страсти и честолюбие отдельных граждан, так и устремления (*umori*) главных социальных группировок города (в Риме Макиавелли насчитывал таких две — нобилей и плебеев, во Флоренции три — знать, пополанов и плебс) так, чтобы их поведение не шло вразрез с гражданскими законами. Примером такого правильного политического устройства ему служила Римская республика: «римский народ, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам» (Макиавелли, 2006а: 115–116).

Таким образом, политическим идеалом Макиавелли является «смешанный образ правления», в рамках которого свое подобающее место получают все три начала политической жизни — принципат, оптиматы и народ. Высказываясь в пользу «смешанного образа правления», Макиавелли тем самым следует классической

33. Цит. по: Юсим, 1990: 125.

34. *Discorsi*, I, 2. Перевод мой.

политической традиции, хотя при этом он и вносит в нее важные поправки³⁵. Еще Цицерон в своем трактате «Об обязанностях» отмечал, что в хорошо устроенной республике каждое политическое начало занимает подобающее ему место (Цицерон, 1993)³⁶. Главное политическое достоинство смешанного образа правления в глазах Макиавелли заключается в том, что оно позволяет уравновесить требования представленных в составе гражданской общины сторон друг к другу. Именно такой образ правления был дан древней Спарте законодателем Ликургом, «который в законах, принятых для Спарты, отвел долю и царю, и оптиматам, и народу, благодаря чему государство просуществовало более восьмисот лет» (Макиавелли, 2006а: 25). То же самое верно и применительно к Римской республике, политическое устройство которой после учреждения института трибуната Макиавелли называет «смешанным и подходящим для совершенной республики», поскольку в ней все три начала гражданской общины имели свою долю в управлении политическими делами. Единоличное правление в рамках римской республиканской модели было представлено институтом консулата, а также диктатуры, аристократическое — институтом Сената, а народное — комициями (народными собраниями) и институтом народных трибунов. «После введения должности народных трибунов, — констатирует Макиавелли, — римское государство [lo stato di quella repubblica] упрочилось, соединяя в себе все три рода правления [avendovi tutte le tre qualità di governo la parte sua]» (Макиавелли, 2006а: 26).

Важным условием установления здорового смешанного политического строя Макиавелли считает качество «материи», которую он оформляет. Речь идет о том, что свободный политический строй (*vivere libero*) может быть с успехом установлен или возрожден лишь в таком городе или стране, где народ еще не развращен окончательно, т. е. там, где он обладает добрыми нравами и религиозным благочестием. Выше мы уже отмечали, что принципиально значимой предпосылкой того, что смуты приносили Риму пользу, а не вред, Макиавелли считал то важное обстоятельство, что правление царей не успело развратить римский народ. Противопоставление народа развращенного (*popolo corrotto*) народу не вполне развращенному, у которого «доброе начало сильнее, чем дурное» (*dove sia più del buono che del guasto*) (Макиавелли, 2006а: 53), занимает одно из центральных мест в политическом мышлении Макиавелли в плане характеристики той «материи», с которой всегда приходится иметь дело как индивидуальному, так и коллективному политическому действию. Эта морально-практическая переменная важна потому, что степенью развращенности народа определяются, согласно Макиавелли, шансы на учреждение или восстановление в городе свободных политических порядков (*vivere libero*). Если в государстве с не вполне развращенным народом, у которого

35. Главной такой поправкой, как было показано выше, является у Макиавелли идея республики, приводимой в движение политикой внешней экспансии и территориального расширения, что, в свою очередь, требует вооружения народа и удовлетворения знатью его социально-политических требований.

36. Cicero. De officiis, II, 142.

«доброе начало сильнее, чем дурное», еще есть шансы восстановить или возродить свободные политические порядки, то там, где народ развращен, их практически нет.

Высокую оценку, которую Макиавелли дает неразвращенному народу и его роли в общественно-политической жизни республики, можно понять в том смысле, что пока народ не развращен, он придерживается «справедливой цели» (*il fine buono*) и в этом плане достойно выполняет свою почетную миссию защитника гражданской свободы, не претендуя при этом на всю полноту власти в городе. Однако на этом основании было бы ошибкой делать вывод о том, что Макиавелли был сторонником радикальной демократической политики и тем более — что он разделял ставшую за последние два с половиной столетия непререкаемой догмой теорию «народного суверенитета». В действительности верно как раз обратное: ориентируясь на политический опыт республиканского Рима, Макиавелли потому и приходит к высокой оценке смешанного образа правления, что сама идея этого правления входит в резкое противоречие с идеей народа-суверена. Как показал в свое время известный отечественный историк-антиковед С. Л. Утченко, разработка древнеримскими авторами, прежде всего Полибием и Цицероном, идеи смешанного образа правления была самым непосредственным образом связана с их настойчивым стремлением отмежеваться от представлений о римском народе как единственном носителе верховной власти в городе. По его оценке, «теория смешанного устройства, рассматриваемая как таковая, т. е. именно с ее идеальными соотношениями, с взаимоограничением основных элементов, составляющих, согласно этой теории, суть смешанного устройства, не только не заключала в себе какой-либо идеи народного суверенитета, но, наоборот, всей своей сущностью была направлена против допущения подобной идеи» (Утченко, 1965: 100)³⁷. Представляется, что этот вывод в целом вполне приложим к теории смешанного политического устройства, которую мы находим в таких сочинениях Макиавелли, как «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «История Флоренции» и «Рассуждение о реформе государственного строя Флоренции» (1520/1521).

Поэтому, на наш взгляд, совершенно прав был Паскале Пасквино, когда на основе сравнительного анализа теории смешанного политического строя у Аристотеля, Полибия и Макиавелли сделал характерный вывод, согласно которому «различные версии учения о смешанном строе правления от Аристотеля до Макиавелли» в действительности «не играют существенной роли в генеалогии того, что сегодня зовется представительной демократией» (Pasquino, 2009: 407). Добавим от себя только, что тем более эти теории не имеют ничего общего с теорией народного суверенитета Жан-Жака Руссо и с современными версиями радикаль-

37. Говоря в данном контексте об идеях Макиавелли, важно помнить, что здесь и в других местах «Рассуждений» он ориентируется прежде всего на римскую политическую и правовую традицию, с ее классическим идеалом *civitas libera*, свободного государства (Скиннер, 2006: 22), а эту политико-правовую традицию классической Античности отличало то, как вразрез с мнением Теодора Моммзена и его эпигонов доказывал уже упомянутый нами выше Утченко, что «представление о народном суверенитете совершенно чуждо римскому публичному правосознанию» (Утченко, 1965: 86).

ной демократии в духе Антонио Негри и Джона Маккормика. В этом плане они являются специфически «досовременными» в полном значении этого слова.

Заключение

Отдавая должное той важной роли, которую Макиавелли отводит *неразвращенному* народу в общественно-политической жизни города или республики, в то же самое время никак нельзя согласиться с преувеличенными мнениями и суждениями, которые делают из него «отца», «предтечу» или «теоретика» современной демократии. В качестве причины появления и широкого распространения подобных мнений стоит прежде всего указать на то важное обстоятельство, что в последние несколько десятилетий большую путаницу в оценку политических воззрений Макиавелли и его отношения к интересам основных общественных групп, представленных в политической общности города, внесли работы тех авторов, которые, находясь под определяющим влиянием марксистских, постмарксистских или радикально-демократических взглядов на природу социальных конфликтов, были склонны чрезмерно сближать воззрения Макиавелли с доктринальными положениями исторического материализма Маркса, или же с диалектикой господина и раба Гегеля. Речь идет прежде всего о работах таких ученых, как Клод Лефор (Lefort, 1972; Lefort, 1978), Агнес Хеллер (Heller, 1981) и Антонио Негри (Negri, 1992).

Как резонно замечает по этому поводу Энтони Парел (Parel, 1992), главный недостаток подобных подходов к истолкованию мысли Макиавелли заключается не только в далеко идущей *модернизации* его взглядов на природу, человека и общество, сближающей их со взглядами Маркса и Гегеля, но и в приписывании флорентийскому мыслителю такого понимания характера и динамики социальных конфликтов в современном обществе, которое имеет крайне мало общего с его собственными представлениями. Так происходит потому, что, по справедливому отзыву Парела, в современной литературе «понятия класса и конфликта рассматриваются скорее в диалектических категориях, нежели в медицинских терминах» элементов и стремлений, как это было принято в античной и средневековой медицине, а также в классической политической традиции³⁸. В свою очередь, подобные «диалектические представления о конфликтах всегда предполагают наличие победителей и побежденных. Считается, что победивший класс ликвидирует побежденный класс» (Parel, 1992: 110).

Однако такая постановка вопроса чужда самому складу политического мышления Макиавелли. Мы видели, что как в «Государе» и «Рассуждениях», так и в «Истории Флоренции» он исходит из признания того факта, что между народом и знатью любого города существует естественная враждебность: гранды всегда хотят властвовать, народ же не хочет угодить к ним в рабство. Великий флорентийский

38. О связи классической политической мысли с искусством медицины, берущей свое начало в Древней Греции, много и убедительно писал в свое время Вернер Йегер: Йегер, 1997: 13-47, 28-32 особенно.

мыслитель считает такое положение *естественным* для города; он не думает, что его можно было бы избежать или преодолеть при помощи каких-либо естественных, искусственных или же сверхъестественных средств. Иными словами, у Макиавелли существование противоположных *umori* в городе берется как универсальный принцип, присущий жизни любого политического сообщества, безо всяких на то исключений. «Углубляясь в изучение событий прошлого и современности, — пишет он в «Рассуждениях», — легко заметить, что во всех государствах и у всех народов всегда бытовали и бытуют одни и те же желания и одни и те же настроения» (Макиавелли, 2006а: 86).

А это, в свою очередь, означает, что, будучи *естественным*, базовый конфликт общественно-политических устремлений, или «гуморов», не поддается устранению даже путем использования самых радикальных средств. Можно даже сказать, что он относится к «естественному порядку» политики и в этом смысле представляет собой *конститутивный* момент *политического* как такового в понимании Макиавелли. Ведь в отличие от современных «прогрессистов», марксистов, неомарксистов и радикальных демократов, «Макиавелли был убежден в том, что в принципе невозможно полностью исключить, упразднить или гармонизировать политические конфликты» (Münkler, 2004: 378). Поэтому сама необычайно популярная в современную эпоху идея о том, что присущий обществу модерна базовый общественно-политический конфликт носит *искусственный* или *преходящий* характер и может быть устранен в бесклассовом обществе посредством социально-политического переворота, именуемого «революцией», была для Макиавелли совершенно абсурдной³⁹. Более того, с его точки зрения, «такое положение дел служило бы явным признаком политической патологии; ведь для него политическое здоровье [города или республики] требовало сохранения единства противоположностей» (Pare!, 1992: 110).

Таким образом, внимательное изучение написанного Макиавелли в «Истории Флоренции», как, впрочем, и в «Рассуждениях» и «Государе», совершенно недвусмысленно показывает, что его взгляд на природу политических дел принципиально отличался от интеллектуального габитуса тех современных комментаторов и эрудитов, которые, находясь под определяющим влиянием социально-исторической диалектики гегельянского или марксистского типа, не в состоянии мыс-

39. Как хорошо показал в свое время немецкий историк идей Райнхарт Козеллек, современное понятие революции возникает никак не раньше Нового времени, причем своим появлением оно было обязано в первую очередь Французской революции. До этого понятие революции имело значение кругооборота политических форм и их повторения, о чем свидетельствовала, помимо всего прочего, частица «ре-» в самом слове (Koselleck, 1995: 71). Соответственно, оно не применялось для обозначения социальных переворотов и гражданских войн, для которых в политическом словаре эпохи Возрождения и раннего Нового времени были зарезервированы совсем иные понятия, такие, например, как «Rebellion» и «Sedition» в английском языке (Armitage, 2017). «Хотя в политическом лексиконе предшествовавших эпох существовало достаточно много слов для описания восстания подданных против своего правителя, — пишет об этой коллизии Ханна Арендт, — среди них не найдется ни одного, которое описывало бы столь радикальную перемену, как превращение подданных в правителей» (Арендт, 2011: 49).

лить базовый конфликт в обществе между его ведущими социальными группами иначе, чем классовый конфликт, а его конечный результат — иначе, как полную победу одного класса над другим или же как гибель обоих борющихся классов⁴⁰.

Наряду с *ошибкой модернизации* взглядов Макиавелли в современной политической теории и истории политической мысли широкое распространение получила еще одна, которую вслед за Квентином Скиннером было бы уместно назвать *ошибкой предвосхищения*. Она является результатом такой стратегии интерпретации идей великих мыслителей прошлого, когда из них делают теоретиков, якобы предвосхитивших концептуальные новации более поздних времен, превращая их тем самым в предшественников великих умов современной эпохи. Отсюда, по сути дела, берут свое начало все досужие разговоры о Макиавелли как о политическом мыслителе, понимавшем базовый социальный конфликт между знатью и плебсом как классовый конфликт у Клода Лефора и Агнес Хеллер, о Макиавелли как теоретике и стороннике радикальной демократии у Антонио Негри и Джона Маккормика, и даже о Макиавелли как патриархе «плебейского принципа» в политике (Breugh, 2007). По поводу подобных стратегий интерпретации наследия мыслителей прошлого Скиннер справедливо замечает, что они с самого начала вырывают соответствующие идеи и концепции из исторического контекста их формирования и развития и помещают их в интеллектуальную и культурную среду, им чуждую, причем делают это ради того, чтобы придать им злободневные политико-полемиические смысловые коннотации. Используя предложенную Скиннером терминологию, можно сказать, что упомянутые нами современные авторы пытаются тем самым «заставить» Макиавелли «участвовать в споре, категории которого ему недоступны и суть которого ему была [бы] непонятна» (Скиннер, 2023: 60), совершая тем самым «грех анахронизма» (Там же: 59). По меткому замечанию Скиннера, подобные упражнения в области политической мысли «превращаются в средство высказать свои предубеждения в отношении наиболее харизматических имен под видом безобидного исторического анализа» (Там же: 66).

На примере конфликта между интерпретациями политической мысли Макиавелли, предлагаемых современными исследователями, можно лишний раз убедиться в том, что даже такая респектабельная академическая дисциплина, как история политической мысли, не свободна от актуальных ценностных предпочтений и политических пристрастий тех специалистов, которые ею занимаются. По большому счету, в этом нет ничего удивительного, поскольку история общественно-политической мысли всегда служила полем столкновения не только различных теоретических перспектив и методологических установок, но и политических позиций и мировоззрений. Внимательное и осуществляемое с учетом интеллектуального и исторического контекста чтение сочинений Макиавелли показывает, что широковещательные

40. Такое понимание они, как правило, в конечном счете заимствуют, вольно или невольно, из марксизма Маркса и Энгельса. «Противоположные классы, — пишут Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — ведут борьбу, всегда кончающуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» (Маркс, Энгельс, 1955 [1848]: 424).

декларации современных эрудитов о нем как об «отце» или «пророке» современной демократии и демократической политики не имеют иного, кроме как политико-полемиического, отношения ни к интенциям, ни к смыслу суждений о *vivere politico*, высказываемых великим флорентийцем в своих сочинениях. Тем не менее в подобных предвзятых трактовках идейного наследия Макиавелли можно найти немало поучительного: помимо всего прочего, они служат наглядной иллюстрацией того, как в актуальных общественно-политических дискуссиях работает машина символической борьбы за смыслы, обращенная в историческое прошлое, но используемая ради завоевания дискурсивной гегемонии в отношении будущего⁴¹.

Литература

- Арендт Х. (2011). О революции / Пер. с англ. И. В. Косича. М.: Европа.
- Гвиччардини Ф. (2023). Замечания по поводу «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли / Пер. с итал. М. А. Юсима. М.: Изд. дом ЯСК.
- Дмитриев Т. А. (2020). Гражданские распри в «Istorie Fiorentine» Н. Макиавелли: благо или зло для республики? // Гвиччардини и Макиавелли у истоков исторической науки Нового времени / Под ред. М. А. Юсима. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 165–200.
- Йегер В. (1997). Пайдейя. Воспитание античного грека (Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / Пер. с нем. М. Н. Ботвинника. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Карпов В. П. (1936). Гиппократ и Гиппократов сборник // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы. С. 9–81.
- Люббе Г. (2017). Быть и именоваться. История значения как поле политического языкового действия / Пер. с нем. О. Кильдюшова // Социология власти. Т. 29. № 4. С. 240–256.
- Макиавелли Н. (1982a). Государь / Пер. с итал. Г. Муравьевой // Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература. С. 301–378.
- Макиавелли Н. (2006b). Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима // Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо; СПб.: Митгард. С. 293–360.
- Макиавелли Н. (1982b). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с итал. Р. Хлодовского // Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература. С. 379–452.
- Макиавелли Н. (2006a). Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Пер. с итал. М. А. Юсима // Макиавелли Н. Государь. М.: Эксмо; СПб.: Митгард. С. 15–292.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1955 [1848]). Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат. С. 419–459.

41. О борьбе за именование как частном случае политического языкового действия и о спорах о словах как об имманентном моменте науки политики см. в высшей степени поучительную статью Германа Люббе: Люббе, 2017.

- Покок Дж. Г. А. (2020). Момент Макиавелли. Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Пер. с англ. Т. Пирусской; под общ. ред. Т. Атнашева и М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение.
- Саллюстий (1934). О заговоре Катилины. *Цицерон. Речи против Катилины* / с приложением отрывков о Катилине из Аппиана, Плутарха и Диона Кассия / Пер. с лат. С. П. Гвоздева. М.-Л.: Academia.
- Саллюстий (1981). Сочинения / Пер. с лат. В. О. Горенштейна. М.: Наука.
- Скиннер К. (2006). Свобода до либерализма / Пер. с англ. А. В. Магуна. СПб.: Изд-во Европейского у-та в Санкт-Петербурге.
- Скиннер К. (2017). Истоки современной политической мысли. В 2 т. Т. 1: Эпоха Возрождения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Скиннер К. (2023). Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение. С. 53–122.
- Утченко С. Л. (1965). Кризис и падение Римской республики. М.: Наука.
- Фриц К. фон (2007). Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия / Пер. с англ. А. Б. Егорова, Г. А. Лапис. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Цицерон (1993). О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука.
- Юсим М. А. (1990). Этика Макиавелли. М.: Наука.
- Armitage D. (2017). *Civil Wars: A History in Ideas*. N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Baron H. (1961). Machiavelli: The Republican Citizen and the Author of “Prince” // *English Historical Review*. Vol. 76. P. 217–253.
- Bock G. (1990). Civil discord in Machiavelli’s *Istorie Fiorentine* // *Machiavelli and Republicanism* / G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 181–201.
- Bock G., Skinner Q., Viroli M. (eds.). (1990). *Machiavelli and Republicanism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Breaugh M. (2007). *L’expérience plébéienne. Une histoire discontinue de la liberté politique*. Paris: Payot.
- Colish M. L. (1971). The Idea of Liberty in Machiavelli // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 32. P. 325–327.
- Del Lucchese F., Frosini F., Morfino V. (eds.). (2015). *The Radical Machiavelli. Politics, Philosophy and Language*. Leiden: Brill.
- Del Lucchese F. (2021). Machiavelli e Licurgo // *Etica & Politica / Ethics & Politics*. Vol. XXIII. № 1. P. 39–72.
- Dionisotti C. (1980). *Machiavellerie. Storia e fortuna di Machiavelli*. Turin: Einaudi.
- Gilbert F. (1973). *Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth-Century Florence*. Princeton: Princeton University Press.
- Guicciardini F. (1932). *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze* / A cura di R. Palmarocchi. Bari: Laterza & Figli.
- Heller A. (1981). *Renaissance Man*. New York: Schocken Books.

- Inglese G. (2011). Note al testo di libro primo // *Machiavelli N. Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*. Milano: Rizzoli. P. 189—287.
- Koselleck R. (1995). Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs // *Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. 3. Aufl. Frankfurt am M.: Suhrkamp. S. 67—86.
- Lefort C. (1978a). Machiavel: la dimension économique du politique // *Lefort C. Les formes de l'histoire: Essais d'anthropologie politique*. P.: Gallimard. P. 127—140.
- Lefort C. (1978b). L'oeuvre de pensée et l'histoire // *Lefort C. Les formes de l'histoire: Essais d'anthropologie politique*. P.: Gallimard. P. 141—152.
- Machiavelli N.* (2018 [1520/1521]). *Discursus florentinarum rerum post mortem iunioris Laurentii Medices* // *Machiavelli N. Tutte le opere / A cura di Mario Martelli*. Secondo l'edizione. Firenze: Bompiani. P. 157—173.
- Manent P. (1987). *Histoire intellectuelle du libéralisme: Dix leçons*. Paris: Calmann-Lévy.
- Manent P. (2013). *The Metamorphoses of City. On the Western Dynamics*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Mansfield H. C. (1996). *Machiavelli's Virtue*. Chicago: The University of Chicago Press.
- McCormick J. (2012). *Machiavellian Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Münkler H. (2004). *Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florence*. Frankfurt a. M.: Fischer.
- Najemy J. M. (1996). Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism // *The American Historical Review*. Vol. 101. № 1. P. 119—129.
- Najemy J. M. (ed.). (2010). *The Cambridge Companion to Machiavelli*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Najemy J. M. (2010). Society, Class, and State in Machiavelli's *Discourses on Livy* // *The Cambridge Companion to Machiavelli / J. M. Najemy (ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 96—111.
- Najemy J. M. (2014). Machiavelli and History // *Renaissance Quarterly*. Vol. 67. № 4. P. 1131—1164.
- Negri A. (1992). *Il potere costituente. Saggio sulle alternative del moderno*. Milano: Sugarco.
- Parel A. J. (1992). *The Machiavellian Cosmos*. New Haven: Yale University Press.
- Parel A. J. (1993). The Question of Machiavelli's Modernity // *The Rise of Modern Philosophy. The Tension between New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz / T. Sorell (ed.)*. Oxford: Clarendon Press. P. 253—272.
- Pasquino P. (2009). Machiavelli and Aristotle: The Anatomies of the City // *History of European Ideas*. Vol. 35. P. 397—407.
- Pocock J. G. A. (2010). Machiavelli and Rome: The Republic as Ideal and as History // *The Cambridge Companion to Machiavelli / J. M. Najemy (ed.)*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 144—156.
- Price R. (1982). *Ambizione in Machiavelli's Thought* // *History of Political Thought*. Vol. 3. P. 383—445.

- Rosenblatt H., Schweigert P. (eds.). (2017). *Thinking with Rousseau. From Machiavelli to Schmitt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sasso G. (1967). *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano.
- Sasso G. (1967a). La teoria dell'anacyclosis // Sasso G. *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano. P. 161—222.
- Sasso G. (1967b). Polibio e Machiavelli: costituzione, potenza, conquista // Sasso G. *Studi su Machiavelli*. Napoli: Morano. P. 223—281.
- Skinner Q. (1990). Machiavelli's *Discorsi* and the Pre-Humanist Origins of Republican Ideas // Machiavelli and Republicanism / G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 121—141.
- Smith S. B. (2012). *Political Philosophy*. New Haven; L.: Yale University Press.
- Strauss L. (1978 [1958]). *Thoughts on Machiavelli*. Chicago: University of Chicago Press.
- Viroli M. (2017). Debunking “Machiavellian” Myths. URL: <https://lawliberty.org/book-review/debunking-machiavellian-myths/> (дата доступа: 01.03.2024).

Was Machiavelli a Proponent of Democracy?

Timofey A. Dmitriev

Associate Professor, Faculty of Humanities, HSE University

Address: Staraya Basmannaya str., 21/4c1, Moscow, 105066 Russian Federation

E-mail: tdmitriev@hse.ru

Based on the analysis of Machiavelli's political writings such as “Discourses on the First Decade of Titus Livius”, “The Prince” and “The History of Florence”, the article shows that attempts made repeatedly over the past few decades by such scholars as Tony Negri, John McCormick, Agnes Heller, Claude Lefort and Pierre Manent to declare Machiavelli an admirer of radical democracy, or the prophet of modern democratic politics and even of the “plebeian principle” in politics find neither conceptual, nor terminological confirmation in the works of the Florentine thinker. It is noted that one of the central places in Machiavelli's political thinking is occupied by the idea of a mixed rule, borrowed from the classical political tradition and, therefore, predominantly of pre-modern origin. In their turn, attempts to make Machiavelli a supporter of radical democracy of the modern style are considered in the article as presenting the political legacy of the great Florentine in a strongly distorted form and dictated primarily by the desire of a number of modern authors to isolate his political ideas and concepts from the historical context of their formation and development, placing them in an intellectual and cultural environment alien to them in order to give them topical political and polemical connotations.

Keywords: Niccolò Machiavelli, the nobility, the people, group aspirations (*umori*), the cycle of political forms, democracy, mixed government, *governo largo*, *governo stretto*.

References

- Arendt H. (2011) *O revoljucii* [On Revolution], Moscow: Evropa.
- Armitage D. (2017) *Civil Wars: A History in Ideas*, N. Y.: Alfred A. Knopf.
- Baron H. (1961) Machiavelli: The Republican Citizen and the Author of “Prince”. *English Historical Review*, vol. 76, pp. 217—253.

- Bock G., Skinner Q., Viroli M. (eds.) (1990) *Machiavelli and Republicanism*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bock G. (1990) Civil discord in Machiavelli's *Istorie Fiorentine*. *Machiavelli and Republicanism* (eds. G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 181—201.
- Breaugh M. (2007) *L'expérience plébéienne. Une histoire discontinue de la liberté politique*, Paris: Payot.
- Cicero (1993) *O starosti. O družbe. Ob objazannostjah* [About Old Age. About Friendship. About Responsibilities], Moscow: Science.
- Colish M. L. (1971) The Idea of Liberty in Machiavelli. *Journal of the History of Ideas*, vol. 32, pp. 325—327.
- Del Lucchese F., Frosini F., Morfino V. (eds.). (2015) *The Radical Machiavelli. Politics, Philosophy and Language*, Leiden: Brill.
- Del Lucchese F. (2021) Machiavelli e Licurgo. *Etica & Politica / Ethics & Politics*, vol. 23, no 1, pp. 39—72.
- Dionisotti C. (1980) *Machiavellerie. Storia e fortuna di Machiavelli*, Turin: Einaudi.
- Dmitriev T. (2020) Grazhdanskie raspri v «Istorie Fiorentine» N. Makiavelli: blago ili zlo dlja respubliki? [Civil discords in Machiavelli's *Istorie Fiorentine*: good or evil for the Republic?]. *Gvichchardini i Makiavelli u istokov istoricheskoy nauki Novogo vremeni* [Guicciardini and Machiavelli at the Origins of Modern Historical Science] (ed. M. Jusim), Moscow: Institute of Universal History RAS, pp. 165—200.
- Fritz K. von (2007) *Teorija smeshannoj konstitucii v antichnosti: Kriticheskij analiz politicheskikh vzgljadov Polibija* [The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity: A Critical Analysis of Polybius' Political Views], Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Gilbert F. (1973) *Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth-Century Florence*, Princeton: Princeton University Press.
- Guicciardini F. (1932) *Dialogo e discorsi del reggimento di Firenze*, Bari: Laterza & Figli.
- Guicciardini F. (2023) *Zamechanija po povodu «Rassuzhdenij o pervoj dekade Tita Livija» Makiavelli* [Remarks on Machiavelli's "Discourses on the First Decade of Titus Livius"], Moscow: Izdatel'skij dom JaSK.
- Heller A. (1981) *Renaissance Man*, N. Y.: Schocken Books.
- Inglese G. (2011) Note al testo di libro primo. Machiavelli N. *Discorsi sopra la prima decada di Tito Livio*, Milano: Rizzoli, pp. 189—287.
- Jeger W. (1997) *Pajdejja. Vospitanie antichnogo greka (Jepoha velikih vospitatelej i vospitatel'nyh sistem)* [Paideia. The Upbringing of the ancient Greek (The Era of Great Educators and Educational Systems)], Moscow: Greko-latinskij kabinet Ju. A. Shichalina.
- Jusim M. (1990) *Jetika Makiavelli* [Machiavelli's Ethics], Moscow: Science.
- Karpov V. (1936) Gippokrat i Gippokratov sbornik [Hippocrates and Hippocrates' collection]. *Gippokrat: Izbrannye knigi* [Gippokrat: Selected Books], Moscow: State Publishing House of Biological and Medical Literature, pp. 9—81.

- Koselleck R. (1995) Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs. *Ver-gangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt am M.: Suhrkamp, pp. 67—86.
- Lefort C. (1978a) Machiavel: la dimension économique du politique. *Les formes de l'his-toire: Essais d'anthropologie politique*, Paris: Gallimard, pp. 127—140.
- Lefort C. (1978b) L'oeuvre de pensée et l'histoire. *Les formes de l'histoire: Essais d'anthro-pologie politique*, Paris: Gallimard, pp. 141—152.
- Lübbe H. (2017) Byt' i imenovat'sja. Istorija znachenija kak pole političeskogo jazyko-vogo dejstvija [To be and to be named. The history of meaning as a field of political linguistic action]. *Sociology of Power*, vol. 29, no 4, pp. 240—256.
- Machiavelli N. (1982a) Gosudar' [The Prince]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Hudozhestvennaja literatura, pp. 301—378.
- Machiavelli N. (2006b) Gosudar' [The Prince]. *Gosudar'* [The Prince], Moscow: Jeksmo; Sankt-Petersburg: Mitgard, pp. 293—360.
- Machiavelli N. (1982b) Rassuzhdenija o pervoj dekadje Tita Livija [Discourses on the First Decade of Titus Livius]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Hu-do-zhestvennaja literatura, pp. 379—452.
- Machiavelli N. (2006a) Rassuzhdenija o pervoj dekadje Tita Livija [Discourses on the First Decade of Titus Livius]. *Gosudar'* [The Prince], Moscow: Jeksmo; Sankt-Petersburg: Mitgard, pp. 15—292.
- Machiavelli N. (2018 [1520/1521]) Discursus florentinarum rerum post mortem iunioris Laurentii Medices. *Tutte le opere*, Firenze: Bompiani: 157—173.
- Manent P. (1987) *Histoire intellectuelle du libéralisme: Dix leçons*, Paris: Calmann-Lévy.
- Manent P. (2013) *The Metamorphoses of City. On the Western Dynamics*, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Mansfield H. C. (1996) *Machiavelli's Virtue*, Chicago: The University of Chicago Press.
- Marx K., Engels F. (1955 [1848]) Manifest Kommunističeskoj partii [The Communist Man-ifesto]. *Sočinenija* [Writings], 2nd ed., vol. 4, Moscow: Gospolitizdat, pp. 419—459.
- McCormick J. (2012) *Machiavellian Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Münkler H. (2004) *Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florence*, Frankfurt a. M.: Fischer.
- Münkler H., Straßberger G. (2016) *Politische Theorie und Ideengeschichte. Eine Ein-führung*, München: Beck.
- Najemy J. M. (1996) Baron's Machiavelli and Renaissance Republicanism. *The American Historical Review*, vol. 101, no 1, pp. 119—129.
- Najemy J. M. (ed.). (2010) *The Cambridge Companion to Machiavelli*, Cambridge: Cam-bridge University Press.
- Najemy J. M. (2010) Society, Class, and State in Machiavelli's *Discourses on Livy*. *The Cambridge Companion to Machiavelli* (ed. J. M. Najemy), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 96—111.
- Najemy J. M. (2014) Machiavelli and History. *Renaissance Quarterly*, vol. 67, no 4, pp. 1131—1164.
- Negri A. (1992) *Il potere costituente. Saggio sulle alternative del moderno*, Milano: Sugarco.

- Parel A. J. (1992) *The Machiavellian Cosmos*, New Haven: Yale University Press.
- Parel A. J. (1993) The Question of Machiavelli's Modernity. The Rise of Modern Philosophy. *The Tension between New and Traditional Philosophies from Machiavelli to Leibniz* (ed. T. Sorell), Oxford: Clarendon Press, pp. 253—272.
- Pasquino P. (2009) Machiavelli and Aristotle: The Anatomies of the City. *History of European Ideas*, vol. 35, pp. 397—407.
- Pocock J. G. A. (2010) Machiavelli and Rome: The Republic as Ideal and as History. *The Cambridge Companion to Machiavelli* (ed. J. M. Najemy), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 144—156.
- Price R. (1982) *Ambizione* in Machiavelli's Thought. *History of Political Thought*, vol. 3, pp. 383—445.
- Pocock J. G. A. (2020) *Moment Makiavelli. Politicheskaja mysl' Florencii i atlanticheskaja respublikanskaja tradicija* [Machiavellian Movement. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rosenblatt H., Schweigert P. (eds.). (2017) *Thinking with Rousseau. From Machiavelli to Schmitt*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sallust (1934) *O zagovore Katiliny* [Catiline's War]. Cicero. *Rechi protiv Katiliny* [Speeches against Catiline], Moscow; Leningrad: Academia.
- Sallust (1981) *Sochinenija* [Writings], Moscow: Science.
- Sasso G. (1967) *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano.
- Sasso G. (1967a) La teoria dell'anacyclosis. *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano, pp. 161—222.
- Sasso G. (1967b) Polibio e Machiavelli: costituzione, potenza, conquista. *Studi su Machiavelli*, Napoli: Morano, pp. 223—281.
- Skinner Q. (1990) Machiavelli's *Discorsi* and the Pre-Humanist Origins of Republican Ideas. *Machiavelli and Republicanism* (eds. G. Bock, Q. Skinner, M. Viroli), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 121—141.
- Skinner Q. (2006) *Svoboda do liberalizma* [Liberty before Liberalism]. Sankt-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Skinner Q. (2017) *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli* [The Foundation of Modern Political Thought], vol. 1: *Jepoha Vozrozhdenija* [The Renaissance], Moscow: Izdatel'skij dom "Delo".
- Skinner Q. (2023) *Znachenie i ponimanie v istorii idej* [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. *Kembridzhskaja shkola: Teorija i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], Moscow: New Literary Observer, pp. 53—122.
- Smith S. B. (2012) *Political Philosophy*, New Haven; L.: Yale University Press.
- Strauss L. (1978 [1958]) *Thoughts on Machiavelli*, Chicago: University of Chicago Press.
- Utchenko S. (1965) *Krizis i padenie Rimskoj respubliki* [The Crisis and Fall of the Roman Republic], Moscow: Science.
- Viroli M. (2017) *Debunking "Machiavellian" Myths*. Available at: <https://lawliberty.org/book-review/debunking-machiavellian-myths/> (accessed 1 March 2024).